

Каракулов Б.И.
г. Глазов

Значение грамматики в нормализации языка

Во всех лингвистических традициях “либо с самого начала, либо с течением времени возникает представление о строгой норме, от которой нельзя отступать” [2: 21], и в целом “нормативный подход играл ведущую роль в любой традиции” [2: 24].

Как известно, удмуртская лингвистическая традиция начинается периодом появления первой грамматики под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикам вотскаго языка» 1775 года. В ней в какой-то

мере получило отражение учение о языковом строе (грамматика и словарь). И с этого периода грамматика становится инструментом описания (создания) и распространения норм удмуртского языка. Но составители «Сочинений» 1775 года в этот период за отсутствием письменных текстов могли представить только собранные лексические материалы и обобщить опыт устной общественно-языковой практики. Нужно заметить, в написании удмуртских грамматик образцами служили русские грамматики, из-под влияния которых не освободились и удмуртские грамматики последнего периода.

Ю.В. Рождественский замечает, что “перед первыми грамматиками стояла задача – создать новый общий литературный язык” [10: 250]. Трудно полностью перенести это положение в дело составления «Сочинений...» 1775 года, потому что в этот период искусство грамматики рассматривалось как отбор языковых средств из числа употребляющихся, а в этом памятнике представлен по возможности известный для авторов-составителей материал всех территориальных диалектов. Но уже в этой грамматике подвергается определенному нормированию удмуртский язык, хотя его описание осуществлялось по образцу русских грамматик. В ней использованы понятия (например, частей речи), термины (например, предлог) или даже перенесены грамматические категории (количество падежей) русской грамматики.

Интересно, значение грамматики, как инструмента описания, создания единого языка, уже в 20-е годы XX века правильно оценил автор «Руководства к изучению вотского языка» Г.Е. Верещагин. Вопросы написания удмуртской грамматики в связи со “строительством” удмуртского литературного языка, его дальнейшего нормирования затем также ставились профессором Д.В. Бубрихом, Т.К. Борисовым и другими. И надо заметить, в соответствии с прежним лингвистическим пониманием, наличие нормы, обязательного признака литературного языка, в это время замечают только в той форме существования языка, которая проходит нормализацию словарями и грамматиками и иными сводами правил.

Не случайно, Б.А. Успенский, рассматривая историю русского литературного языка, заметил, что в ряде моментов она смыкается с историей грамматической мысли: важным источником оказываются здесь разнообразные сочинения о языке [11: 19]. В.К. Кельмаков, рассматривая период истории удмуртского языкознания, также приходит к выводу, что он “почти полностью совпадает с зарождением и развитием удмуртского литературного языка” [7: 12].

В нынешних условиях многие языки национальных республик бывшего СССР повысили свой статус – официально стали на уровень государственных языков. Представляется, первостепенной задачей для этих литературных языков является выявление их подлинного состояния, освобождения от навязанных категорий чужих грамматик, которые послужили образцами для описания этих языков, совершенствования их нормы для выполнения тех предписаний, которые нужно будет ему выполнять как государственному языку.

Хотя в отношении языков, подвергшихся в советский период сильной ассимиляции, отдельные лингвисты сегодня более актуальными, чем вопросы нормирования, видят другие задачи, как, например, сохранения позиций родного языка [1: 163].

Анализ школьных и вузовских грамматик удмуртского языка, изданных в 60–90-е годы также показал, что они, имея несомненные достоинства, в то же время не разграничивают материал разных форм существования языка. То есть авторы этих грамматик последовательно не проводят нормализацию языка [4: 28].

В.К. Кельмаков, исследуя современные грамматики, ныне действующие орфографические словари, орфографические и пунктуационные правила как отражающие современное состояние развития удмуртского языка, с одной стороны, и как нормирующие справочные пособия, с другой, также подчёркивает их слабую сторону [6: 49].

О не совсем добротном качестве новых орфографических правил удмуртского языка 2002 г. издания также пишет в газете «Удмурт дунне» от 18 февраля 2005 г. заслуженная учительница Удмуртской Республики Н.А. Ермокина. Она замечает, что эти правила были утверждены без учета предложений и пожеланий учителей.

В конце 2011-го года кафедра удмуртского языка и методики его преподавания Удмуртского госуниверситета выпустил новую грамматику, посвященную морфологии удмуртского языка: «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» на 407 с. Ответственным редактором выступила заведующий кафедрой Н.Н. Тимерханова. Авторы в предисловии не указывают, какую цель они поставили перед собой: написать описательную или научную грамматику, но в рецензии Е.А. Цыпанова она отмечена как проект научной грамматики, которая, по нашему мнению, в определенном смысле должна быть и нормативной.

Отрадно заметить, авторский коллектив данной книги делает попытку создания научной грамматики с широким применением оригинальной, большей частью вновь созданной научной лингвистической терминологии. Хотя авторы в предисловии своей работы пишут, что они не категоричны в ее использовании, в тексте грамматики ее употребление намного шире, чем привычные термины, например, *прилагательной* (С.82) или *согласование* (С.89). Чрезмерное использование новой терминологии даже приводит к тавтологии: *Макенимъёслэсь вошьетъя вошьяськемзэ вошьетан (склонение) шуо* (С.33). *Вошьетъясья вошьясько* (С.57) и т. д.

К сожалению, в данной грамматике не всегда ставится цель нормализации. В работе приводится в качестве примеров всё, что попало в поле зрения исследователя. Встречаются примеры плеоназмом: *ог кызё вамыш, ог дасо минут, ог дасо мында егитъёс* и т.д. (С.93-94). В грамматике подобные примеры можно бы дать или сноской или мелким шрифтом, причём указав их ограниченное употребление. Такие формы с чрезмерным плеоназмом характерны в основном публицистической речи [5: 210].

В склонении прилагательных приведены примеры ограниченного употребления, например, *пичяз(ын) тилемын; пичяз(э) пилеме* (С.67), но об этом авторы умалчивают.

В одной группе наряду с общепринятыми формами приводится диалектный материал: *немар, некудбз, ненокин, неномыр* (С.16), *сонякеме, сонямында* и т.д. (С.17). Не отмечается территориально ограниченное употребление послелого *пужит: тјллы пужит* (С.40).

Еще в 1920-х годах члены Пражского лингвистического кружка подчеркивали, что «теоретическое познание существующей нормы современного литературного языка – задача первостепенной важности» [9: 394]. Пражцы определили источники познания нормы литературного языка. Первым источником названа средняя литературно-языковая практика, которая для каждого литературного языка может быть различной, но для чешского была определена рамками последних пятидесяти лет. Думается, в этом плане современное состояние языка можно связывать со средней продолжительностью жизни носителя языка, поэтому для современного удмуртского литературного языка этот период может охватить чуть более пятидесяти лет. Вторым источником познания нормы пражцами выдвинуто языковое сознание интеллигентных слоев, их языковая устная практика, не учитывающая индивидуального, местного колорита и арготизмов. В связи с последними признаками уместно привести замечание Э. Косериу [8: 83]: «Самый образованный» слой общества может быть подвержен иностранному влиянию, и в таком случае наиболее чистый национальный язык можно скорее найти в «народных» говорах». Это наблюдение особенно характерно для тех литературных языков Российской Федерации, которые используются ограниченно в условиях функционирования доминирующего русского языка. Речь, например удмуртского интеллигента, проживающего в городе, больше теряет свою самобытность. Это еще в 70-е годы отмечал венгерский учёный П. Домокош [3: 374]: "Обстоятельства жизни в большом городе постепенно отчуждают горожан (в том числе большинство писателей) от их родины и народа, язык их не может обогащаться из живого источника, двуязычие становится обычным явлением...". Поэтому для примеров научной грамматики следовало бы выбрать тексты различного жанра, причём среди текстов художественной литературы произвести строгий отбор писателей. Без этого примерами для последней грамматики послужили и нехарактерные большому кругу носителей языка примеры, в которых нарушены нормы не только синтаксиса, но и морфологии: *Чебересь фасадэн ;ужытэсь юртъёс лэсьтыны дэмлао архитекторъёс* (С.42).

Как было уже указано выше, авторы данной книги делают попытку уйти от заимствованных терминов, освободиться от слов "русизмов". Но, с другой стороны, приводя в научной грамматике примеры, используемые носителями языка ограниченно, и не указывая об этом специально, авторы неумышленно закрепляют такие заимствования нормой: *одбг ки, одбг пјзь* (С.24) наряду с *пал*

ки, пал пїзь; коммунистка (С.27); городлэн мэрез (С.29), кыллэн туала состоянияз (С.83), кык комнатаосты (С.91), куинь муртъёс (С.91) и т.д.

Таким образом, грамматика не должна быть констатацией языковых фактов, в ней должен быть произведён их строгий отбор, и на их основе должны быть чётко прописаны нормы и правила, которые не должны быть размытыми. Для того чтобы язык выполнял государственную функцию, нужны качественные образцы литературной речи.

Литература

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. Пособие. 3-е изд. испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
3. Домокош П. История удмуртской литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.
4. Каракулов Б.И. О необходимости разграничения форм существования языка в связи с обучением литературному языку // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов: Тез. докл. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 327-328.
5. Каракулов Б.И. Плеоназм. К проблеме нормы в удмуртском языке // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. трудов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 207–216.
6. Кельмаков В.К. Некоторые размышления о языке и стиле газеты «Удмурт дунне» // Вордскем кыл. 2003, № 5-6. – С. 48-61.
7. Кельмаков В.К. Вехи истории удмуртского языковедения. – Ижевск: Изд-во "Удмуртский университет", 2011. – 518 с.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
9. Общие принципы культуры языка // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 394-405.
10. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию / 2-е изд. – М.: Добросвет, 2000. – 344 с.
11. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII века). Изд.3. исп. и доп. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2002. – 558 с.